

СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ЛИЦА, ДЕЙСТВУЮЩЕГО ПОД ВЛИЯНИЕМ ОБМАНА ИЛИ ЗАБЛУЖДЕНИЯ

FULFILLMENT OF THE CRIME BY PERSON OPERATING UNDER THE INFLUENCE OF A DECEPTION OR IGNORANCE

D. Lunkov

Annotation

In the article problems of commission of crimes by attraction to performance of socially dangerous acts of the persons operating under the influence of a deception or ignorance are considered. On examples of concrete situations the author offers the criminally-legal criteria, allowing to distinguish a situation of the instrumentality harm-doer with use of the defrauded or mistaken persons from adjacent cases of criminal complicity and an casus.

Keywords: the instrumentality execution of a crime, the instrumentality harm-doer, the deception, the ignorance, the mistake, the casus.

Луньков Дмитрий Александрович
Аспирант, Уральская государственная
юридическая академия,
г. Екатеринбург

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы совершения преступлений путем привлечения к выполнению общественно-опасных действий лиц, действующих под влиянием обмана или заблуждения. На примерах конкретных ситуаций автором предлагаются уголовно-правовые критерии, позволяющие отграничить ситуации посредственного причинения вреда с использованием обманутых или заблуждающихся лиц от смежных случаев соучастия в преступлении и казуса.

Ключевые слова:

Посредственное совершение преступления, посредственное причинение вреда, обман, заблуждение, ошибка, казус.

Классическим случаем посредственного причинения вреда путем привлечения к совершению преступления лиц, действующих под влиянием обмана либо заблуждения, является похищение невесты Нины в кинофильме "Кавказская пленница", ибо целенаправленно введенный в заблуждение Шурик добросовестно обманывался относительно истинных намерений Саахова и его "кунаков". Другим примером посредственного совершения преступления с помощью обмана, взятым автором из собственной следственной практики, служит следующий.

В 2005 году Екатеринбургским гарнизонным военным судом младший сержант К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, при преследующих обстоятельствах. На почве личных неприязненных отношений К. задумал убить "старослужащего" сержанта Кр. выстрелом из автомата. Не желая собственноручно выполнять объективную сторону состава преступления, планируя избежать уголовной ответственности, К. подобрал для выполнения преступных замыслов рядового Р. Воспитывая в Р. чувство ложной безопасности при нарушении правил обращения с огнестрельным оружием, К. неоднократно (следствием доказано не менее двух эпизодов такой "тренировки" – прим. автора) вручал Р. автомат АК-74, с взведенным затвором, но без боеприпасов, после чего заставлял Р. тайно подкрадываться сзади к другим военнослужащим и, наведя им в спину ствол автомата, нажимать на спусковой крючок, имитируя выстрел. Сослуживцам, испуганно оборачивающимся на щелчок затвора за спиной, К. пояснял,

что эта была шутка, а Р. – участник розыгрыша.

Подготовив, таким образом, Р. к роковому выстрелу, в один из дней после плановой чистки оружия К. тайно зарядил боевым патроном автомат АК-74 и взвел его затвор, чем привел данный автомат в состояние, готовое к стрельбе, после чего разместил его среди других – заведомо для Р. разряженных автоматов. Далее К. подозвал Р. и сообщил ему, что сегодня они снова будут "разыгрывать" старшего сержанта Кр. Обоснованно опасаясь места последнего, Р. попробовал отказаться от очередной "шутки", однако К. обманул Р., сообщив ему, что "...Кр. знает об этом розыгрыше и ждет его, поскольку К. ранее поспорил с Кр. на тему: есть ли у них в роте трусы" (Материалы уголовного дела, допрос обвиняемого К.). Желая избежать насилия, будучи введенным в заблуждение относительно истинных намерений К., Р. согласился выполнить его просьбу. Далее К. подвел Р. к автоматам АК-74 и, имитируя случайный выбор, вручил Р. единственный заряженный автомат, внешне не отличавшийся от остальных (разряженных), приказав Р. ничего не трогать, поскольку он, т.е. К., уже взвел затвор и "...все готово для очередной шутки" (Материалы уголовного дела, допрос обвиняемого К.). Не подозревая о заряженности автомата, Р. подкрался сзади к Кр., прицелился ему в спину и нажал на спусковой крючок. От последовавшего выстрела наступила смерть Кр.

Правовое регулирование подобных вопросов имеет давние традиции в отечественном уголовном праве. Возможность случайного причинения смерти выделялась

еще древними русскими памятниками права. Так, в Уложении 1649 года случайные действия назывались бесхитростными или совершенными "изволением божьим" и не преследовались. Воинский устав Петра I предусматривал ненарочные, то есть случайные, деяния, не влекущие за собой уголовную ответственность. УК РФ этот вопрос урегулировал в ч. 1 ст. 28: "Деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно-опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть", т.е. наличие уголовно-правовой казус.

Эти проблемы – частные случаи общей проблемы познаваемости окружающего мира, а особенно – отграничения истинного знания от иллюзорного, правды от заблуждения и лжи. В обыденной жизни "мы размышляем без особенностей рефлексии, без особенной заботы о том, чтобы получилась истина... мы размышляем в твердой уверенности, что мысль согласуется с предметом, не отдавая себе в этом отчета, и эта уверенность имеет величайшее значение" [5]. По мнению В.Ф. Кириченко, неправильное представление лица об отдельных фактах окружающей реальности "...может явиться следствием неправильного ощущения или восприятия, проходившего при таких условиях, которые исказили его представление о них. Эти условия могут быть как объективного, так и субъективного характера" [7]. К первым можно отнести время, место, способ, обстановку и т.п., ко вторым – тревогу, стыд, гнев и т.п. Кроме этого, ошибку лица может повлечь неправильность умозаключений, сделанных на основании правильных восприятий и ощущений. В этих случаях "представление отдельного лица не отражает объективную действительность и не соответствует правильному представлению о ней других людей" [7].

Применительно к посредственному причинению вреда рассматриваемый вопрос должен быть поставлен и в иной плоскости – в плоскости целенаправленного воздействия третьих лиц на непосредственного причинителя вреда с целью исключения возможности понимания им общественно-опасного характера своих действий или предвидения общественно-опасных последствий от них. В этом случае на первый план выступают проблемы обмана и заблуждения, глубина которых является главным критерием при решении вопроса об уголовной ответственности участвующих лиц. К обману и заблуждению тесно примыкает проблема ошибки лица в оценке явлений окружающей действительности.

Термин "обман" (error, Irrtum) словарь С.И. Ожегова толкует как "ложное представление о чём-нибудь (напр., ввести в обман)". "Заблуждение" трактуется им как "ложное мнение", а под синонимом заблуждения – "ошибкой" понимается неправильность в действиях, мыслях [8]. Вышеизложенные термины содержат в себе понятие лжи

(недостоверности, неправильности) и свидетельствуют о незнании субъектом чего-либо. При этом термин "обман" больше относится к активной, т.е. обманывающей, стороне, а "заблуждение" – к обманутому. Ошибка, относясь к конечному результату заблуждения, оцененному *post-factum*, является его следствием. Из-за диалектической взаимосвязи названных терминов, уголовно-правовые проблемы обмана, заблуждения и ошибки при посредственном причинении вреда далее будут рассмотрены нами далее.

Судебная практика обман находит "...в сознательном сообщении заведомо ложных сведений либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение другого лица в заблуждение. Сообщаемые ложные сведения могут относиться к любым обстоятельствам" [3]. Соглашаясь с этой позицией, отметим, что обман является способом совершения преступления и относится к его объективной стороне, может совершаться как действием, так и бездействием с единственной целью – ввести другого человека в заблуждение, вызвать у него ошибку. Своеобразное определение ошибки дает И.Я. Козаченко, считая последнюю "...заблуждением (неправильным представлением) лица о действительных юридических и фактических обстоятельствах совершаемого деяния". Им же предложено классифицировать уголовно-правовые ошибки на юридические и фактические. Юридические ошибки, подразделяются, в свою очередь, на мнимое преступление, действительное преступление и неправильная квалификация своих преступных действий, неверные сведения о виде и размере наказания за их совершение. Среди фактических ошибок можно выделить ошибки в объекте и ошибки, относящиеся к объективной стороне состава преступления [11].

Мы полагаем, что невиновному причинителю вреда присущи лишь два типа названных ошибок: во-первых, когда лицо, находясь под влиянием злоумышленника, полагает свои действия уголовно-ненаказуемыми. Мы говорим не о тех случаях, когда незнание закона не освобождает от ответственности, а о неосознании лицом действительной или вероятной противоправности своего действия (бездействия), совершаемого только с прямым или косвенным умыслом, поскольку в остальных случаях лицо неосторожная форма вины. Второй тип ошибки может допустить лицо, когда оно, имея представление о недопустимости определенных действий (бездействия), полностью уверено в их неспособности повлечь общественно-опасные последствия, т.е. ошибка в развитии причинной связи.

Первый тип ошибки проиллюстрирован вышеописанным случаем с Шуриком. "Кунаки" Саахова умело использовали желание Шурика познакомиться с кавказскими обычаями и, обманув его относительно мнения самой Нины, совершили руками Шурика её похищение. При других обстоятельствах противоправность своих действий, равно как и последствий от них, была бы для Шурика очевидной. Однако он искренне полагал, что на Кав-

казе подобное ненаказуемо, а способ доставки невесты к жениху согласован, в том числе, с самим объектом похищения. При этом Шурик вполне отдавал себе отчет о своих действиях, равно как и их последствиях, ошибаясь лишь в их уголовно-правовой оценке.

Аналогично необходимо решать вопрос и в случае, когда некто А., изготовив поддельную купюру, но, не сообщив об этом своему знакомому Б., просит последнего сходить и разменять её у В. на более мелкие деньги, которые вернуть А. Б., зная об уголовной ответственности за сбыт фальшивых денег, в нашем случае не догадывается и не должен догадываться о поддельности конкретной купюры, если только он не знает, что А. фальшивомонетчик. В этой ситуации Б. подлежит освобождению от уголовной ответственности, а за сбыт фальшивых денег будет отвечать А. как посредственный совершитель преступления. А.А. Герцензон, развивая тезис о посредственном причинении, дополняет его случаями, когда субъект, действуя умышленно, для осуществления задуманного им преступления привлекает другое лицо, не подозревающее о своем участии в преступлении. "Так, если шпион, – пишет он, – поручает курьеру учреждения, в котором шпион работает, отнести пакет по известному адресу... Одно лицо (шпион) действует умышленно, а другое (курьер) – невиновно" [6]. Аналогичной позиции придерживается и судебная практика [4].

Примером уголовно-правовой ошибки второго рода, которую может допустить невиновный причинитель вреда, является названный случай с рядовым Р. Последний, несмотря на запрет любых "игр" с огнестрельным оружием, закрепленный в Общевоинских Уставах Вооруженных Сил Российской Федерации [2], во время предшествующих тренировок искренне убедился в их мнимой безопасности. В роковой день, полагая, что автомат снова незаряжен, не ожидая вреда от своих действий, рядовой Р. добровольно принял участие в "розыгрыше" сержанта Кр., вызывавшем столь неожиданные для обоих последствия. Схожий пример сочетания сознательного действия и казусных последствий приводит Н.С. Таганцев, отмечая, что "...отравление будет случайным, как скоро отравивший не знал и не мог знать, что даваемое им вещество ядовито, или если он и знал, что при известных условиях данное вещество может иметь свойства яда, но не мог и предполагать, что подобные условия существуют в данном случае" [10].

В рассматриваемом случае налицо неверное представление лица о возможном развитии причинной связи между его деянием и вредными последствиями. Следовательно, мы не можем говорить об устранении умышленности самого деяния, поскольку субъект осознает фактический характер своих действий. Последний ошибается лишь в возможных последствиях, к которым действия лица приведут или могут привести, будучи уверенным, что они никогда не произойдут в данной ситуации. По критерию предвидения возможности наступления обществен-

но-опасных последствий случаи посредственного причинения вреда отличаются от неосторожности.

В связи с рассмотренными примерами едва ли представляется обоснованным утверждение, что "...в действиях лица, когда оно не сознавало запрещенный характер своего поведения, хотя бы по обстоятельствам дела должно было и могло это предвидеть, умысел отсутствует" [9], несмотря на то, что в отдельных случаях данный тезис подкреплен зарубежной судебной практикой. Таким примером обмана при посредственном причинении вреда, описанным Дж. Флетчером, может служить уголовное дело Моргана, рассмотренное английской палатой лордов в середине 70-х гг. XX в.

Некто Морган убедил своих друзей-собутельников, что его жена обожает насильственное принуждение к сексу. Она может ожесточенно сопротивляться, хотя на самом деле сексуальное насилие обожает. По подсказке мужа его приятели изнасиловали сопротивляющуюся и рыдающую женщину. Судом первой инстанции муж и его "друзья" осуждены за изнасилование. Насильники подали апелляцию с тем, что поддались на убеждения мужа, посчитав, что жена, несмотря на сопротивление, не возражала против полового сношения с ними. Палата лордов вынесла решение (по мнению Дж. Флетчера, "поразительное") о том, что введенные в заблуждение приятели имели все основания для оправдания, поскольку добросовестно заблуждались [12].

Не соглашаясь в этом вопросе с английским правосудием, отметим, что ошибка друзей Моргана состоит в неверном представлении о характере своих действий. Они поверили в то, во что захотели, оставив без учета обстоятельства "против", в первую очередь, недвусмысленный отказ самой женщины. Сказанное не означает, что преступники были обязаны всесторонне и полно осознать все детали происшедшего, в том числе интимные пристрастия жены Моргана. Доктрина уголовного права и правоприменительная практика исходят из того, что сознанием виновных должна охватываться лишь общая оценка своих действий (бездействия), основанная на имеющейся информации и житейском опыте. Поскольку друзья Моргана осуществили свои злодеяния намеренно и сознательно, нет никаких оснований полагать, что они не понимали общественной опасности и противоправности своих действий. Уверены, что нашу точку зрения разделяет большинство ученых и практиков.

Подводя итог рассмотрению проблем обмана, заблуждения и ошибки в контексте посредственного совершения преступлений, отметим, что в природе ничего случайного не бывает. Любое событие случайно только в сознании действующего лица или очевидца, ибо с точки зрения реальности любое событие объективно детерминировано. Сообразуясь с этой аксиомой, невиновными действиями непосредственного причинителя вреда мы полагаем только такие, когда лицо не только не осознавало запрещенный характер своих действий, но и не мог-

ло их осознавать даже при надлежащей внимательности к ним, равно как и непредвиденные лицом последствия, наступление которых ему в данной ситуации не только казалось, но и должно было казаться невероятным. Нельзя не согласиться с В.А. Якушиным, что "чем больше степень безответственного отношения лица к своему акту деятельности, тем значительнее характер и степень его вины" [13].

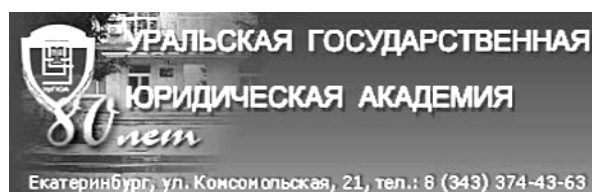
В связи этим, ошибкой, освобождающей лицо от уголовной ответственности, является лишь та, которая связана с неверным мнением лица об обстоятельствах, являющихся элементами состава преступлений, либо об

общественно-опасном характере своих действий. Только в этом случае к непосредственному причинителю может быть применены положения ч. 1 ст. 28 УК РФ "Невиновное причинение вреда" с последующим привлечением к уголовной ответственности истинного преступника. Все остальные типы ошибок в той или иной мере предполагают осознание лицом реального или вероятностного противоправного характера своего деяния, равно как и наступление общественно-опасных последствий, однако лицо заблуждается в отдельных моментах происходящего, что свидетельствует о его умышленной или неосторожной вине и должно квалифицироваться по соответствующим статьям УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
2. Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденный указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495. Собрание законодательства Российской Федерации от 19 ноября 2007 г. № 47 (часть I) ст. 5749.
3. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2007 года № 51 "По судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении, растрате". Российская газета. Федеральный выпуск № 4561 от 12 января 2008 года.
4. Постановление Президиума Верховного суда Российской Федерации № 246П09. Обзор судебной практики за 1 квартал 2010 года. 2010. Бюллетень № 9.
5. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.; Л., 1930.
6. Герцензон А.А. История советского уголовного права. М., 1948.
7. Кириченко В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., 1952.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., Оникс, 2007.
9. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Т. II. Преступление. М.: Наука, 1970.
10. Таганцев Н.С. Курс уголовного права. С.-Пб., 1902.
11. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. И.Я. Козаченко. М.: Норма, 2009.
12. Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998.
13. Якушин В.А. Ошибка и её уголовно-правовое значение. Казань, 1988.

© Д.А. Луньков, (Starsledelan@yandex.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

Добро пожаловать в УрГЮА!

В этом году мы отмечаем 80 лет нашей родной Академии. Руководство и профессорско-преподавательский состав вуза всегда стремились к тому, чтобы давать студентам качественное и разностороннее юридическое образование. Именно обладание высококвалифицированными кадрами, научными школами, образовательными традициями позволило Академии стать ведущим юридическим вузом России.

Сегодня десятки тысяч выпускников СЮИ – УрГЮА успешно работают в органах государственного и муниципального управления; правоохранительных и судебных органах, в адвокатуре и нотариате; в сфере банковской, страховой, инвестиционной деятельности, на предприятиях, в учреждениях, организациях всех форм собственности.

За прошедшие годы Академии удалось стать не просто учреждением, оказывающим образовательные услуги, но и общепризнанным центром всего нового и прогрессивного в юридическом образовании, юридической науке и практике. Академией налажено плодотворное сотрудничество с передовыми зарубежными высшими школами по подготовке юридических кадров.

Подготовка высококвалифицированных специалистов остается для нашего вуза актуальнейшей задачей. Я уверен, что профессорско-преподавательский состав, активные студенты Академии не пожалеют своих сил, знаний и опыта для решения этой задачи в соответствии с высокими государственными и мировыми стандартами.

Замечательные традиции, поддерживаемые талантливым педагогическим коллективом нашего вуза, будут сохранены и преумножены и продолжат служить повышению авторитета и престижа Академии в России и мире.

Ректор УрГЮА,
доктор юридических наук,
профессор В.А. Бублик